

КОМПРЕССИРОВАННЫЕ (СВЕРНУТЫЕ) ТЕКСТЫ

I.

Йозеф Сипко

В газете МК (13. 4. 94) появился заголовок «Серб и молот», который фонетически напоминает бывший символ коммунистической идеологии (серп и молот) в изображении единства рабочих и крестьян. Приведенный заголовок реагирует на ситуацию в бывшей Югославии, в особенности на характер военных и политических действий со стороны сербов против некоторых мусульманских регионов в Боснии. Автор своей находчивостью дает однозначно отрицательную оценку сербской политики и видит ее корни в бывшем режиме, находящем свое продолжение в политике нынешнего сербского руководства. Короткий заголовок, таким образом, многословен. В нем реализуется экономность, как одна из языковых закономерностей. Данное явление в языке не ново. Оно получило свое название от жителей древнегреческого города Спарта (Лакедония) - *лаконичность*. Это понятие, просуществовав свыше двух тысячелетий, не потеряло своей оригинальности до наших дней. Лаконичность, краткость и ясность речи реализуется в различных формальных языковых средствах, но выше всего, по-видимому, ценятся те, которые приносят информацию и ее оценку в сжатой форме и вместе с тем создают при коммуникации *комический эффект*.

Можно наблюдать определенную аналогию между тяжелыми социальными эпохами и их историческим *компрессированным изображением*. Костюков (1987) приводит подобные языковые элементы из журнала «Крокодил» военного периода. Под словом «Удериан» скрыта страшная история немецких танковых наступлений во главе с генералом Гудерианом. Для русских людей старшего поколения, в особенности для ветеранов войны, оно несёт и сегодня богатую информацию с трагическими воспоминаниями. То же самое можно отметить и о слове «Риббентруп». В данном случае это не только преднамеренная деформация фамилии министра иностранных дел гитлеровской Германии Риббентропа, но и характеристика этой персоны с позиции его будущей предполагаемой судьбы. Автор как бы выражал свое убеждение о его быстром конце, что и сбылось (после процесса над военными

преступниками в 1946 в Нюрнберге он был казнен). Слово «поДОНОк» появилось после поражения нацистов между Доном и Волгой. Оно отражает не только географический факт, где произошли эти события, но и дает отрицательную характеристику врагу. Слово стало формально двусмысленным, что выражается и особенностями шрифта (центральные буквы прописные).

Современный язык - в просторечии, городском фольклоре, в молодежном арго и в СМИ - богат именно неузуальными языковыми единицами, имеющими вышеприведенные приметы компрессии и сатиры. Так можно встретиться со словом «уродина» (ЛГ, 1990, 51), явно близким по звучанию и семантике слову «урод» искалеченный, нездоровый, ненормальный». Его случайное звуковое сходство со словом «родина» лежит в основе данного окказионализма. Родина, Россия в одном слове характеризуется как страна искалеченная, деформированная. Интересно заметить, что появилась адекватная «патриотическая» реакция на данное слово в песне «Родина»:

«...Пусть кричат уродина,
а она мне нравится,
пусть и не красавица!»

В том же духе и замечание - «Надо создавать новую науку - *уродологию*» (НС, 1993, 4), в котором тоже сверхкритическое отношение к своей эпохе. Повышенный *критицизм* является одним из отличительных признаков современных компрессированных языковых единиц.

Склонность молодежи употреблять нестандартные формы коммуникации общеизвестна. В новых условиях с повышенной мерой плюрализма она увеличивается. Появляются даже специальные исследования молодежного жаргона. Наглядно это иллюстрируют и следующие трансформации - «*Предки и бзби*» («Отцы и дети» Тургенева), «*Таланты и фень*» («Таланты и поклонники» Островского), «*Облако в джинсах*» («Облако в штанах» Маяковского), «*Белый прикид*» («Белые одежды» Дудинцева), «*Святая Барюха*» (телесериал «Святая Барбара») - ЛГ, 1994, 8. Данные примеры свидетельствуют о тенденции современной молодежной коммуникации подражать западному стилю, речь молодежи в значительной мере подвергается вестернизации и стремлениям к нарушению норм и стандартов языка.

Сатирический контекст, в котором реализуются неузуальные языковые единицы, представляет тоже известное содержание как словесное свидетельство своего времени. Их появление обусловлено всеми сферами человеческой деятельности, но в первую очередь теми, которые находятся в центре критицизма со стороны общества и СМИ. Проблемы экономической жизни находят свою косвенную оценку в таких образованиях - «Средство массового уничтожения экономики - *бактериологическое оружие*» (ЛГ, 1992, 33 - на базе формальной близости с выражением «бактериологическое оружие» новое окказиональное

образование негативно воспринимает новые торговые и рыночные отношения посредством бартера - в принципе речь идет о вынужденном экономическом приеме в ситуации, при которой доминирует недостаток валюты и финансовых средств). Подобно звучит и следующее авторское образование - «Увлечение импортом приведет экономику к *импортенции*» (там же), где на базе звукового сходства со словом «импотенция» создается окказионализм с отрицательной характеристикой современного состояния экономики. Конечно, за подобными неузвальными языковыми единицами скрыто настоящее богатое *текстовое содержание*. Специалист по экономике мог бы создать на фоне данных единиц содержательный текст. Слово «*биржуси*» (ЛГ, 1992, 45) определяет новых предпринимателей, или новых «буржуев», которые приобретают имущество на биржах. Слово «*конверсанты*» (там же) говорит о людях, которые богатеют за счет трансформаций в военной промышленности, где, как известно, этот процесс в наших странах назван «конверсией».

То же самое относится и к характеристике других отрицательных явлений нашей эпохи. Так, в предложении «Была деревня *Козино* и стала *Казино*» (ЛГ, 1993, 39) фиксируется вестернизация нашей жизни и создание разных игровых клубов, казино даже в деревенской среде. Для нашей эпохи типичным является переход политиков из одной политической партии в другую. Например, в слове «*трехходовики*» (ЛГ, 1992, 29) имеются в виду политики, которые были коммунистами, позже демократами и наконец стали националистами. Естественно, что современные авторы сумеют создать богатые сюжеты о «трехходовиках», не менее интересными они будут и нашим потомкам. Иную, менее счастливую группу, представляют люди, «скрытые» в слове «*апатриды*» (ЛГ, 1992, 44) - они без родины. В этом случае чаще всего речь идет о беженцах в связи с преобразованием бывшего СССР в СНГ, в результате чего миллионы, прежде всего русских, остались за границами России, вне своей родины, хотя они не переселялись. Слово «*полупроводники*» особенно в московском городском фольклоре обозначало юношей, провожавших из-за закрытия метро своих девушек лишь до полпути.

Особым содержанием наделены «компрессированные тексты» *исторического фона*. Они за долгий исторический период оправдали двое коммуникативное существование и стали устойчивыми и фразеологизированными единицами не только в лексико-грамматическом, но и в аксиологическо-прагматическом плане. «Ахиллесова пята» представляет уже почти три тысячелетия самое слабое и уязвимое место конкретного объекта. Когда МН (1991, 22) писали - «Окажется ли Руцкой *тролнским конем?*», то данный вопрос обозначал - «Окажется ли предателем Ельцина?» Сомнения подтвердились в октябре 1993. Устойчивые единицы из древнегреческой и древнеримской мифологии,

истории составляют содержательные *семантические доминанты* во многих языках (Волков 1991) и стали интернационализмами в самом широком смысле этого слова. Если мы читаем предложение - «*Яблоко раздора*, или территория свободы?» (Веч. Москва, 15. 2. 94), то всегда имеем в виду конфликтные ситуации. Данное выражение, как и многие другие, исходит из гомеровских образов. О несправедливой юстиции пишут - «*Фемида с автоматом*» (МН, 1991, 31). Для остро критических текстов с насмешливым содержанием до наших дней сохранилось следующее подчеркнутое слово - «Своими гневным *филиппинками* журналисты делают Невзорову рекламу» (МН, 1991, 28 - об известном редакторе бывшего ленинградского телевидения). Сомнительная победа имеет свой исторический фразеологизм в выражении - «*Пиррова победа* Ельцина» (АиФ, 1993, 40 - после октябрьских событий 1993). Упорное настаивание на конкретном решении отражается в крылатом выражении Древнего Рима - «Мое стремление делать оргвыводы (*Карфаген должен быть разрушен*) очень раздражало старшую диссидентскую генерацию» (О, 1993, 50 - конфликты молодых и старых диссидентов). Принять жизненно важное решение - это часто - «*Как перейти Рубикон*» (ЛГ, 1993, 3 - путь в рыночную экономику). Ту же семантику содержит и выражение со времен Александра Македонского - «Ельцин разрубил *гордиев узел*» (МН, 1993, 6 - на новый уровень поднял отношения с Индией). Атмосфера насилия и покушений запечатлена в известной фразе Юлия Цезаря своему сыну - убийце Бруту - «*И ты, Кислов?*» (МН, 1993, 6 - после покушения на Ельцина). Когда шли дискуссии о новой стратегии национальной безопасности, в Правде (9. 2. 1994) реагировали следующим выражением - «*Россия со щитом, или на щите*» (из древней Спарты). В других случаях известные античные выражения употребляются в ироническом и сатирическом контекстах - «Современный Архимед: «*Дайте мне торговую точку, и я переверну мир*» (ЛГ, 1994, 11 - пародия на феномен рынка). Во «Внеисторических эпизодах» (ЛГ, 1994, 9) был и следующий текст: «Профессору *Троянцеву* излеченный им пациент *Данаев* подарил лошадь. Но та лягнула профессора, и он медленно умер. С тех пор *данайцы* только и лошадей дарят. Им и в зубы никто не смотрит: и без этого все знают, что *лошадь троянская*». Выделенные единицы составляют историко-афористический фон. Они представляют настоящее свернутые тексты с явными интертекстуальными отношениями (Номолач 1994) к произведениям Гомера и к русской пословице. Тот и другие подобные тексты мы предложили нашим студентам-русистам для интерпретации. Оказалось, что в большинстве случаев подобные тексты им были не по силам.

Античная история поучительна - это богатый источник для многих аналогий, сравнений. Так, на все возрастающие нападки на Горбачева

МН (1991, 15) отреагировали следующим образом - «Одной из самых важных заслуг *нашего императора* является то, что при нем можно *с безопасностью нарицать дурных правителей*... Или вы уже забыли *Нерона*? Будем довольны тем, что у нас есть и будем со вздохом *вспоминать о том, что мы претерпели*» (Плиний Младший об императоре Траяне). Данный пример представляет очередное подтверждение того, что история повторяется. Также как и во многих других иллюстрациях, античные выражения живы и в наши дни и показывают, насколько исторические судьбы человечества закономерно повторяются в одинаковых ситуациях. Античные языковые образы оставили последующим поколениям содержательные и поучительные фразы - «*Музы не молчат*» (Веч. Мос., 15. 2. 94 - вопреки войне в Сараево).

По нашим наблюдениям, несколько другую аксиологическую характеристику можно дать подобным языковым единицам из эпохи средневековья, где доминируют негативные образы - интертекстуальные единицы фиксируют в своем большинстве негативные и трагические явления данного периода. Они достаточно наглядно создают частную языковую картину средневековья в представлениях современного человека. Когда президент Ельцин издал Указ о роспуске Верховного Совета, которым начался октябрьский кризис 1993, то СР (21. 9. 93) написала - «Юридическое *иезуитство* президента». Относительно часто можно найти в современной печати и следующее выражение - «*Разговоры об охоте на ведьм*» (Изв, 16. 10. 93 - тоже из октябрьских дней). Другие сообщают - «*Охота на ведьм не состоится*» (РГ, 15. 1. 94 - персональные конфликты политиков и их решение). Интересно заметить, что данное выражение часто встречалось в чехо-словацкой печати, особенно левой, после принятия закона о люстрациях. В России этими единицами вооружаются «патриоты» и «демократы» при оценке некоторых действий своих политических противников - «И теперь уже над небом России застучал *«молот ведьм»*» (О, 1990, 24 - преследование интеллигенции после 1917 г.) Тяжелая социальная ситуация многих жителей современной России находит свое выражение в перифразе известного восклицания английского короля Ричарда III - «*Полцарства за теплую избу*» (РТ, 15. 10. 93). Долгие конфликты на Кавказе названы - «*Полгода столетней войны*» (О, 1993, 12 - имеется в виду бесперспективность решения). Политических оппонентов можно характеризовать и так - «Создается *орден меченосцев*» (МК, 11. 2. 94 - новый политический союз бывших левых). Из средневековья происходит и известное «монархическое» восклицание о короле - «*Советы умерли. Да здравствует Земство?*» (РТ, 18. 1. 94 - мысли о новых органах власти). Целая серия средневековых историзмов имеет свой источник во французских революционных событиях - «Дума сразу устремилась штурмовать *Бастлию - Лефортovo*» (О, 1994, 8 - после освобождения вождя октябрьского мятежа Хасбулатова, Руцкого и

др.), «Уже начали исчезать *Мараты и Данте, Вандел и термидорианский переворот* угрожает нашим *якобинцам*» (ЛГ, 1994, 13 - о наступлении консервативных сил, аналогичных с французской контрреволюцией). Контрреволюционную характеристику получил со стороны бывших «левых» и уже упомянутый Указ Ельцина от 23. 9. 93 - «*18 брюмера России*» (П, 2. 10. 93 - аналогия с переворотом во Франции в 1794), «*Двадцать три Вандей?*» (МН, 1993, 42 - некоторые регионы против Ельцина). На этом месте хочется высказать замечание относительно образа «Вандей». В приводимых иллюстрациях данное слово несет отрицательную семантику. Во время Великой французской революции в регионе Вандей восстали крестьяне против революционной власти. Долгое время в официальной историографии бытует мнение о реакционном и отрицательном характере движения вандейских крестьян. В конце 1993 г. проходили торжества в честь погибших и репрессированных вандейцев, на которых участвовал Солженицын - здесь образ «Вандей» был другой, чем в наших примерах - положительный, как символ борьбы против тоталитаризма и насилия. Франция той же эпохи служит и для других аналогий - «Президент Гамсахурдия упрямо видит себя победителем на поле символического *Аустерлица*» (Эк., 1991, 3 - Гамсахурдия в сатирическом сравнении с Наполеоном - победителем при Аустерлице - Славкове).

История новой эпохи, и прежде всего 20-го века, создает также много словесных образов, которые применимы к нашим дням. Часто это образы из довоенных и военных времен - чаще всего функционируют образы фашизма - «Публикация «Слова» (обращение русских писателей к народу) это сигнал : «*Над всей Испанией безоблачное небо*» (ЛГ, 1992, 31 - по данному сигналу началась гражданская война в Испании в 1936 г.). Это предложение в первичном значении говорит о готовности к чему - то, как правило, нехорошему. Но оно употребляется и в другом значении - «*Над Таджикистаном безоблачное небо*» (КП, 17. 2. 93), «Достаточно вспомнить *мюнхенский договор*» (ЛГ, 1991, 13 - несогласие с примирением с предстателями ГКЧП). Образы из второй мировой войны реализуются с однозначным отрицательным авторским намерением - «*Блицкриг с Россией не прошел*» (П, 2. 10. 93 - известное выражение, относящееся к гитлеровским молниеносным войнам использовано для характеристики уже упоминаемого указа Ельцина). Сталинские ГУЛАГ-и названы - «*Освенцим без печей*» (О, 1990, 51), что создает самую отвратительную картину о сталинских лагерях, сравниваемых с гитлеровскими). В фельетоне «Парикмахерская сказка» (МК, 5. 2. 94) автор (Новотенов) в пародическом тоне упоминает самых известных диктаторов 20-го века, не называя их по-фамильно, а лишь посредством перифразы из поэмы Маяковского «В. И. Ленин». Будто матери своим сыновьям, будущим диктаторам говорят - «ты будешь *лысее всех лысых* (Ленин), *косее всех косых* (Мао), *шизее всех*

ших (Гитлер), *усев всех усых, отцев всех отцых* (Сталин)». В предложении - «*Нюрнбергский процесс по-латвийски*» (ЛГ, 1994, 13) ищутся параллели между судебным процессом над руководителями фашистской Германии и бывшими функционерами в Латвии. Репортаж «*Почти как хайль*» (П, 29. 9. 93) о современных британских фашистах. Новая стратегическая обстановка вызывает к жизни аналогию с делением мира после второй мировой войны - «*Вторая Ялта*» (МК, 17. 2. 93 - возможность нового деления мира как на конференции «большой тройки» в Ялте 1945). Фашистские времена в Европе предоставляют довольно часто словесный материал для характеристики политических оппонентов - «*Доступен их пониманию майнкампфный Гитлер*» (НС, 1990, 12 - имеется в виду его книга «Майн Кампф»). И наша современность создает словесные образы, которые фиксируются в сознании современников и становятся историзмами - «...обошлись в своем движении к храму без *пиночетов*» (МН, 1991, 35 - т. е. без насилия). В русскую публицистику вошел и словесный образ чехо-словацких событий 1989 года - «*Бархатная революция по-итальянски*» (РГ, 1994, 15 - о коррупции и персональных последствиях).

Вышеприведенные языковые единицы представляют универсальный коммуникативный фон во многих языках. В русских публицистических текстах наших дней они реализуются в большинстве случаев в ситуациях, где доминирует отрицание, несогласие и критика описываемых объектов. Таким образом, они составляют свернутые тексты с богатым историческим содержанием.